

С тех пор как Гейл попал в этот мир, утекло немало воды, и он сильно изменился. Его игровая система, к примеру, давно лишилась жестких ограничений по дистанции и времени подготовки умений. Будь у того же легкого шага время применения, Гейл просто не успевал бы уклоняться от стремительных атак современного оружия.

Это перерождение происходило постепенно, почти незаметно. Он всё ещё зависел от особых условий применения техник, но сумел свести эти ограничения к минимуму. Сейчас Гейл сроднился с искусством школы Попрошаек так глубоко, будто оно текло в его жилах. Одних рефлексов хватало, чтобы безошибочно проводить приемы, словно он всю жизнь владел вершинами боевых искусств — Дагоу банфа и Сялун чжан.

Если не считать ограничений по внутренней силе и времени восстановления, Дагоу банфа и Сялун чжан стали для Гейла частью его самого. Это не шло ни в какое сравнение с простым управлением игровым персонажем во время дуэли.

Бальк был невероятно силен — настолько, что Гейлу приходилось выкладываться на пределе возможностей, предельно концентрируя внимание. Тяжелая сабля-двуручник с глухим свистом обрушилась сверху, начисто срезав два дерева по соседству. Гейл едва сдержал свист: с виду туповатый клинок располовинил стволы толщиной с меху без малейшего усилия, словно кусок нежного тофу!

Что и говорить, простыми заказные мехи не бывают.

Стремительно отпрянув, Гейл перехватил шест поперек и глубоко вдохнул. Джи всегда выделялся хищным, запоминающимся обликом, тогда как его противник выглядел на удивление заурядно. Не предупреди его Валентин, никто бы и не подумал, что перед ними — элитная машина, собранная по индивидуальному проекту.

Серый, неприметный корпус легко затерялся бы в толпе стандартных армейских моделей. Джи же был совсем другим. Невероятно антропоморфный, он издалика казался живым великаном, а не грудой металла. Валентин применил методыковки шестнадцатого века, а Гейл вложил в сборку свой врожденный кузнечный дар. Только так они смогли сотворить эти плавные, безупречные линии. Джи стал точным, атлетически сложным воплощением самого Гейла, только увеличенным в разы. Изваянный из чистейшего сплава, он двигался с грацией, недоступной обычным машинам. Если бы не угловатые стыки бронеплит, Джи вполне можно было принять за исполинского киборга.

Эта пластика проявлялась во всём: даже когда меха пружинисто приседала перед рывком, движение казалось абсолютно человеческим. Пятка Джи оторвалась от земли, и машина, подобно спущенной тетиве, с резким свистом рванулась вперед, нацелившись прямо на Балька!

Над Спутником 3 круглый год висел плотный туман, а в густой лесной чаще видимость и вовсе стремилась к нулю. По всем законам физики Бальк не мог разглядеть маневр противника, однако серая невзрачная кабина развернулась навстречу с пугающей точностью, будто пилот видел Гейла насквозь.

— Твою мать, опять уклонился! — Сяо Джи, казалось, тоже начал терять терпение.

Гейл лишь холодно усмехнулся.

— На этот раз не уйдешь!

Металлический шест Джи с глухим звоном обрушился на плечо серого противника.

Этот белоснежный шест, украшенный на концах бледно-сиреневой резьбой в виде плывущих облаков, стоил баснословных денег. Если честно, треть всех затрат на создание Джи ушла именно на это оружие и закрепленный за спиной энергетический блок, выполненный в форме кувшина для вина.

К тому же боевой стиль школы Попрошаек не прощал ошибок. Сила этой школы крылась в сокрушительных, непрерывных сериях приемов.

Едва тяжелый шест достиг цели, серая машина ощутимо дернулась и на мгновение замерла. Этой короткой заминки Гейлу вполне хватило.

С яростным оскалом он впечатал подошву в корпус врага. Комбо сорвалось с его пальцев за доли секунды. Он успел дважды провести разрушительную серию из четырех ударов «Наводняющий дракон мутит реку» и лишь в самый последний момент, с явной неохотой, завершил связку мощным приемом «Высокомерный дракон раскаивается».

Как и следовало ожидать, Бальк среагировал мгновенно. Не теряя ни доли секунды, он разорвал дистанцию, вышел из захвата и напоследок хлестко полоснул Джи спаренными крюками. Сяо Джи тут же обиженно взвыл в динамиках.

— Чего орешь? Тебе же не больно! — огрызнулся Гейл.

— Откуда тебе знать! — отозвался интеллектуальный агент.

— Да ты, блин, груда металла! Какая еще к черту боль?!

— Душевная боль, ясно тебе?! За обшивку обидно!

Гейл лишь беззвучно покачал головой.

Вообще-то Гейл не сомневался, что большинство пилотов он мог бы зажать в бесконечной серии ударов до полного уничтожения машины. Но с Бальком этот номер не проходил. Эффект ошеломления срабатывал, однако по первому же столкновению стало ясно: эта заказная меха

сопротивлялась контролю на каком-то запредельном уровне. Подобно тому как одаренные пилоты с колоссальной ментальной силой порой ухитрялись вырываться из его связок, элитная техника тоже имела свои скрытые козыри. А уж Бальк свой шанс упустить не мог.

Со стороны их схватка показалась бы мимолетной вспышкой — сшиблись и тут же разошлись, всё заняло едва ли пять секунд. Но за это краткое мгновение Гейл успел обрушить на врага шесть сложнейших приемов.

Уклонившись на полной скорости от просвистевшего рядом тяжелого стального гарпуна, Гейл заставил себя дышать ровнее. Рано списывать себя со счетов, шанс еще представится.

Гейл просчитывал каждый шаг соперника с предельной осторожностью, даже не подозревая, в какое глубокое изумление поверг самого Балька.

Бальку исполнилось пятьдесят пять. Век человеческий теперь стал куда длиннее, так что этот возраст считался золотым расцветом сил. А благодаря великолепной физической подготовке и выносливости закаленный наемник выглядел не старше тридцатилетнего крепыша из той эпохи, которую помнил Гейл. И всё же за его плечами стояли двадцать восемь лет руководства собственным отрядом.

Повидавший на своем веку немало дерьма и бесчисленное множество раз заглядывавший в провал смерти, старый волк Бальк впервые столкнулся с противником столь неудобным.

«Как ему может быть всего двадцать с небольшим?..»

Бальк ошеломленно покачал головой.

Его изумление было вполне оправданным. Наемник привык иметь дело со всевозможными дарованиями — в его собственном отряде числились десятки талантливых бойцов. Берясь за контракт, Бальк не ждал подвоха. Лишь теперь он осознал, какая пропасть разделяет Гейла и всех прочих.

Есть способные юноши, а есть те, кого природа поцеловала в макушку, наделив недостижимым даром. Назвать этого парня просто гением язык бы не повернулся.

Перед ним стоял настоящий монстр.

Но сдаваться Бальк не собирался. За всю свою жизнь он не проиграл ни единой схватки.

Чем яростнее нападал юноша, тем холоднее становился взгляд наемника. На его обычно бесстрастном лице проступила азартная, хищная усмешка.

Короткие серебристые волосы намокли от пота. Бой на таких скоростях требовал колоссального напряжения сил.

А Гейл уже снова шел на таран — упрямо, напролом.

Уровень повреждений Джи уже в третий раз чудесным образом опустился с сорока одного процента до нуля. Время восстановления «Безумного хмельного смеха» составляло всего две минуты. Гейл умело изматывал врага: стоило ему выгадать короткую паузу и применить навык, как его показатели возвращались к норме. Бальк же, не зная этих тонкостей, пребывал в полном недоумении. Серый великан перед ним, иссеченный шрамами и вмятинами, раз за разом обретал второе дыхание.

Сам наемник начинал уставать. Он и помыслить не мог, что хитрый малец планомерно берет его измором по отработанной схеме: ударил, отбежал, подлечился и снова в бой. Бальку казалось, что он уперся в непреодолимую стену.

— Процент повреждений? — спросил Бальк.

— Тридцать семь процентов. Согласно расчетам, при текущей интенсивности боя критический отказ систем наступит через сорок минут, — отозвался интеллектуальный агент.

Оказалось, серая машина тоже управлялась интеллектуальным агентом. Голос ментального агента звучал звонко, по-детски чисто.

Бальк глухо выдохнул.

— Придется рискнуть.

— Собираешься пойти на таран? — уточнил интеллектуальный агент.

— Нет. Есть трехпроцентный шанс, что он погибнет, а я уцелею, — ровно ответил Бальк.

— С вероятностью в девяносто семь процентов вы погибнете оба.

Бальк промолчал.

В этот момент в наушниках шлема раздался посторонний сигнал.

— Приветствую, капитан Бальк. На связи Валентин из Легиона Надежды.

Наемник внутренне подобрался. Он прекрасно знал, кто такой Валентин.

— Полагаю, нам есть что обсудить. Не беспокойтесь, Легион Надежды не замышляет против вас ничего дурного. Напротив, мы хотим предложить вам выгодное дельце. И да, вы сможете увидеть всех своих людей.

Бальк не мог оставаться равнодушным. Из соображений предосторожности против Легиона Серебряного Орла он взял с собой лучший авангард отряда.

— Что с ними? — резко спросил он.

— Всё в порядке. Наши врачи уже обработали им раны, тяжелых нет.

— Мой отряд дорожит своей репутацией. Гейл — моя цель, контракт должен быть выполнен.

— Но вы не сможете его убить, хоть и выкладываетесь на полную, — спокойно возразил Валентин. — Думаю, ради будущего своих ребят вы согласитесь на этот разговор.

— О чем говорить?

— О будущем Легиона Надежды.

Бальк вздрогнул. Из-за секундного замешательства он пропустил тяжелый удар Джи и полетел кувырком. Быстро разорвав дистанцию и уходя из-под очередной атаки, он хрипло спросил:

— Какое мне дело до вашего будущего?

— Вы достаточно умны, Бальк, чтобы понять, к чему я клоню. Но раз вы сомневаетесь, давайте заключим пари.

— На каких условиях?

— Если в этой войне Легион Надежды одержит победу, вы переходите к нам. Мы вместе создадим свободное государство, точкой отсчета для которого станет это никем не контролируемое Море звездных рифов.

— А если проиграете? — сухо поинтересовался Бальк.

Бальк не сомневался в собственных способностях: он был прекрасным организатором, умел планировать операции, просчитывать риски и вести за собой людей. Но масштабная война регулярных армий требовала совсем иных навыков, и наемник трезво оценивал свои силы.

Осознав это еще в молодости, он без сожалений оставил службу в регулярных войсках. Бальк

понимал, что в армейской системе ему понадобятся десятилетия, чтобы доползти до высоких постов. Ему требовался простор для самореализации здесь и сейчас. Поэтому, демобилизовавшись, он год путешествовал по галактике, а на следующий основал собственный наемный отряд.

Будучи человеком военным, он прекрасно понимал: в грядущем столкновении шансы Легиона Надежды ничтожно малы. В их победу не верил никто, и Бальк в том числе.

Валентин на том конце провода негромко, уверенно рассмеялся:

— Если мы проиграем, вы получите своих людей целыми и невредимыми и сможете беспрепятственно уйти. Захотите довести заказ до конца — милости просим, двери нашего лагеря всегда открыты. Гейл будет только рад сойтись с вами снова.

Похоже, Валентин параллельно связался и с напарником. Ужасающий своей невероятной живучестью Джи замер посреди клубящегося тумана. Но по напряженной стойке и хватке на шесте было ясно: меха готова к броску в любую секунду.

Стоит ответить отказом — и этот серебряный дьявол ринется в бой, не щадя ни себя, ни врага. У Балька оставался лишь один, последний козырь, но цена его применения была слишком высока. Скорее всего, они просто уничтожили бы друг друга.

Сам он смерти не боялся. Но за его спиной стояли преданные бойцы, готовые идти за ним на край вселенной и проливать кровь по первому его слову. Он не мог бросить их на произвол судьбы.

Тяжело вздохнув, наемник произнес в микрофон:

— Хорошо. По рукам.

Полномасштабная война в космосе только разгоралась. Их дуэль, показавшаяся обоим вечностью, в масштабах грядущего конфликта была лишь крохотным, незначительным эпизодом.

Из пелены тумана бесшумно вынырнул десантный шаттл. Бальк в сопровождении Гейла поднялся на борт, и корабль взял курс на планету Хэйсе.

Со щелчком стыковочные шлюзы заперлись, соединив корабли с идеальной точностью. Бальк невольно удивился такому совершенству механизмов, мгновенно признав в конструкции почерк Валентина.

Гейл буквально вывалился из кабины Джи. Комбинезон насквозь промок от пота, влажные пряди темных волос облепили лоб и шею. Тяжело, со свистом переводя дыхание, он устало

улыбнулся Бальку, который, хоть и взмок не меньше, держался куда бодрее.

— А ты чертовски хорош! — искренне восхитился Гейл.

Уголок губ сурового серебряноволосого наемника едва заметно дрогнул.

— Ты тоже не промах.

Даже без мехи Бальк оставался смертоносным противником — его одежда скрывала не меньше десятка видов оружия, и он был готов пустить их в ход в любую секунду.

Сейчас был идеальный момент, чтобы прикончить мальчишку. Тот едва держался на ногах от усталости и совершенно не заботился о безопасности. Самого же Балька при входе никто даже не подумал обыскать — весь его потаенный арсенал оставался при нем.

Однако, глядя на эту открытую, обезоруживающе дружелюбную улыбку и вспоминая два часа изнурительной, честной схватки, Бальк поймал себя на мысли, что убивать Гейла ему совершенно не хочется.

— Томми, Закман! Надо же, Вивиан всё-таки доверила вам работу, — весело окликнул ребят Гейл.

— А почему это нельзя?! — обиженно буркнул Томми, который выглядел совсем еще мальчишкой.

— Мы шесть раз рапорт подавали, пока не утвердили, — хмыкнул Закман. — И то лишь потому, что Старый Буд сам попросил о переводе.

Пока они увлеченно переговаривались, Бальк внимательно разглядывал подростков. На вид им было не больше четырнадцати, и занимались они самой простой тыловой работой. В его собственном отряде тоже хватало безусых юнцов, но эти двое разительно отличались от них.

Мальчик по имени Томми был одноглазым — левую глазницу уродовал глубокий, варварский шрам, явно оставленный чьей-то жестокой рукой. Другие отметины тянулись по щеке к самой шее, безмолвно свидетельствуя о пережитых пытках.

Закман выглядел не лучше. На его худых руках, покрытых жесткими мозолями, живого места не осталось от следов застарелых ожогов, которые отчетливо выделялись на темной коже.

Клеймо межзвездных грешников читалось на них без труда.

И теперь Бальк понимал, что не поднимет руку на Гейла. Дело было не только в открытой, доверчивой улыбке парня, но и в том, как эти измученные дети смотрели на своего командира.

В их глазах светилась такая чистая, безграничная преданность, восхищение и любовь, что это граничило с религиозным благоговением. Гейл был для них не просто защитником — он стал их живой верой, единственным лучом света, сумевшим пробиться в их беспросветную тьму.

Бальк окончательно осознал: он ни за что не убьет Гейла.

По крайней мере, не на глазах у этих мальчишек.

Их чистые, полные надежды взгляды тяжелым грузом легли ему на душу, намертво сковав волю.

<http://bllate.org/book/19793/2000951>